

УДК 821.161.1-3 Баршев

МОТИВНИЙ КОМПЛЕКС ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ Н. В. БАРШЕВА

Владимир Виниченко, аспирант

*Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина
vinvladimir93@gmail.com*

Актуальность статьи обусловлена необходимостью комплексного изучения литературного процесса 1920–1930-х годов и отсутствием исследования специфики функционирования мотивных комплексов времени в прозе Н. В. Баршева. Выявлены мотивы относительности и разрыва времени, невозможности его измерения, притягательности прошлого и враждебного будущего, этерналистские мотивы. Творчество писателя вводится в философский контекст 20-х годов XX века (труды Н. Бердяева, П. Флоренского, С. Аскольдова). Прослежены особенности функционирования мотивов, коррелирующих с мотивом времени, их полисемантичесность и связь с литературной традицией. Показано, что мотивный комплекс времени является важной составляющей онтологии писателя наряду со стихийными мотивами, мотивами пустоты, тишины и т. д., которые могут быть предметом дальнейших исследований.

Ключевые слова: *мотив времени, мотивный комплекс, модернизм, этернализм, Баршев.*

Николай Валерьянович Баршев (1888–1938) — один из представителей неклассической прозы 1920–1930-х годов, чье творчество до сих пор недостаточно освоено литературоведческой наукой. Объектом исследований становились лишь отдельные аспекты поэтики: функционирование чеховского интертекста в прозе Баршева [16, с. 128–137], мотив сна [11, с. 23] и др. Актуальность статьи обусловлена необходимостью комплексного изучения литературного процесса 1920–1930-х годов и отсутствием исследований мотивных комплексов времени в прозе Н. В. Баршева.

Цель данной статьи — уяснение специфики функционирования мотивного комплекса времени в прозе Баршева. Под мотивом исследователи понимают «любое смысловое «пятно» — событие, черта характера <...> единственное, что определяет мотив, — его репродукция в тексте» [3, с. 30]. О повторяемости как характерном свойстве мотива говорит и В. Тюпа («Текстуальная манифестация мотива — повтор» [13, с. 52–55]). Мотивный комплекс при этом определяется как некое семантическое поле, или «пучок» мотивов, выступающее в роли субстрата [13, с. 53].

Как не раз отмечалось учеными, русской философии XX века присущ глубокий интерес к проблеме времени [6]. Время как особое, четвертое измерение рассматривал П. Флоренский, отмечавший, что «всякий действительный предмет непременно имеет свою длительность, большую или малую — безразлично. Но она непременно есть, это *толщина* по четвертой координате» [15, с. 189]. Данный тезис получит развитие в рассказе Баршева «Четвертое». Н. Бердяев разграничивал время «космическое», «историческое» и «экзистенциальное». История мыслится, по Бердяеву, как борьба времени с вечностью, что приравнивается к борьбе жизни и смерти, и «победа временного над вечностью была бы победой смерти над жизнью, окончательный уход из временного в вечное был бы уходом из этого исторического процесса» [2, с. 53–54].

В 1922 году был опубликован труд Сергея Аскольдова (псевдоним русского философа С. Алексева) с характерным названием «Время и его преодоление». Мыслитель видел два онтологических пути преодоления времени — отрицание времени в связи с категорией идеального, не имеющего отношения ко времени, и метаморфозы времени, например, мысленное превращение прошедшего и будущего в настоящее, превращение будущего в настоящее с сохранением прошлого или превращение прошлого в настоящее с сохранением будущего (восполнение мира, воскрешение мертвых, то есть преодоление смерти) [1].

Обращение Н. Баршева к темпоральной проблематике обусловлено характером эпохи, мировоззренческими и эстетическими установками художника, литературными и культурными приоритетами. Так, в прозе Баршева достаточно явственно прослеживается влияние Чехова [16], а в творчестве этого классика, по наблюдениям Б. Зингермана, мотив времени играет определяющую роль [5, с. 5].

Рассмотрим особенности функционирования мотивного комплекса времени в прозе Н. Баршева. Для рассказов писателя характерно разделение времени на две ипостаси — время абсолютное и время относительное (в традициях Н. Бердяева). Первое связано с универсумом, второе с миром человека, субъективностью его восприятия. Универсальное время символизирует общий миропорядок, циклический ход развития времени. В повести «Большие пузырьки» миру предстоит родиться вновь и вновь: «Подожди, новые Пузыри народятся там, где и не ждешь их... Пробегут мимо нее и эти, и те, и другие, и еще, и опять» [9, с. 336].

Относительное же время, зависящее от человеческих эмоций, может ускорять или, напротив, замедлять свой ход. Как в первом, так и во втором случае подобные метаморфозы вызывают дискомфорт у баршевских героев. Так, Терентий Петрович из «Больших Пузырьков» с неудовольствием подмечает, что «пружина теперь в часах другая, пружина <...> напористой. Подменили ее, вот и часы бегут быстрее — успевай оглядываться» [9, с. 309]. В рассказе «Водоросли» один из героев связывает изменение хода времени с приближением Апокалипсиса: «Скучное время пришло. Конец света скоро. Глад был, мор был, брат на брата восставал, теперь еще и знамения на небе, и всему крышка» [9, с. 374]. Недовольство новым временем выражается и в бытовых жалобах: «Сколько за это время всякой дряни наплодилось <...> Теперь мне покоя от клопов не стало, и крупные подлецы, как раки. Таких и при царском правительстве не водилось» [9, с. 371].

Относительность хода времени особенно заметна при сопоставлении ритма жизни Малевича и его родственников (деда и тетки, представителей «бывшего» поколения). Если первый живет по часам (ср. «За время обеда ему впору с газетой справиться: новостей много, а время все рассчитано. Нет-нет да и взгляд на часы с кукушечным боем. Уже седьмой час, а к восьми на заседание»), то для людей, потерявших «зубы и возраст», измерение времени теряет свою необходимость (ср. ремарку о часах с кукушкой: «Зря куковала. Старикам не нужно, а молодой хозяин уйдет до времени» [9, с. 374]).

В «Водорослях» исторические катаклизмы отменяют даже природную цикличность: «Что зима, что весна — все равно. Теперь порядок один» [9, с. 390]. Однако абсолютное время продолжает свой ход и неподвластно субъективности человеческого настроения. Это ощущается представителями животного мира — вспомним реплику одной из героинь о коте: «Вот умница. Скотина, а свое время знает», и далее: «Да уж скотину на часах не проведешь. Например, петух: уж как бы там стрелку не верти, а он в свое время мах-мах крылом да и кукареку» [9, с. 372].

Поскольку настоящее время для баршевских героев оказывается непривлекательным, особой притягательностью для них обладает прошлое, когда «все шло не так, как теперь» [9, с. 309]. Начальник станции «Большие Пузырьки» Василий Федорович рисует мифологизированную картину рыбной ловли «лет 20–25 назад»: рыба шла

друг за другом и чуть ли за хвост друг друга не хватала. К прошлому обращены и единственные слова обычно безмолвной стрелочницы Шукиной, звучащие как упрек неизвестно кому: «А раньше?» Горькой иронией окрашен совет безымянного прохожего, порекомендовавшего старушке, которая хотела успеть на свадьбу дочери, ехать только назад, но «только поездов таких нетути — <...> все вышли» [9, с. 316]. «Ваше настоящее — это прошлое» [9, с. 329], — так пронизательно формулирует Коко трагизм баршевских героев, задавая мотив распада времени.

Будущее, напротив, враждебно человеку, ведь оно заведомо несет отпечаток смерти. Например, об отце Василия Федоровича говорится, что дедовская пружина все-таки ведет к предназначенному часу; от старухи на станции «пахнет панихидой» и т. д. Попытки героев Баршева избежать конца безуспешны и порой трагикомичны. Так, Гражданин Вода, отказавшись от мобилизации и тем самым фактически подписав себе приговор, гордо заявляет: «Я с будущим, встречаю новую жизнь» [9, с. 359].

Однако и настоящего для героев Баршева тоже не существует. В одной из бесед Коко произносит примечательную фразу: «Вот то, что я сказал сейчас, — это уж прошлое, а то, что скажу, — будущее. Настоящего нет — его для «Пузырьков» выдумали» [9, с. 329]. Подобные суждения можно возвести к философии этернализма, восходящей к древнеиндийским учениям брахманистского периода, китайскому даосизму, системам Парменида и Зенона [12, с. 381], подчеркивающей, что «истинная последняя реальность — это неизменное, вневременное, или вечное Бытие. Всякое изменение, всякое Становление есть либо чистая иллюзия, либо нечто вторичное» [12, с. 381]. Все события — прошлые, настоящие и будущие — считаются при этом в равной степени существующими [4, с. 48]: «как существуют египетские пирамиды, так же существуют и подвиги египетских фараонов. Мы постоянно «обнаруживаем себя» в разные моменты, однако, чувствуя единство «Я-прошлого», «Я-настоящего» и «Я-будущего» [8, с. 6].

Мотив «придуманного» настоящего, заданный Коко, важен не только в контексте иллюзорной реальности (что станет востребованным в литературе постмодернизма), но и в свете танатологической проблематики. Существование безотносительно времени фактически может быть приравнено к бессмертию. Таким образом, отказы-

вая миру Больших Пузырьков в равноправии прошлого и будущего и оставляя за ним «традиционный» ход времени, Коко тем самым отказывает Большим Пузырькам и в бессмертии. В то же время осознание равноправия прошлого и настоящего оставляет право на вечное существование самому Коко. В «Водорослях» метафору в духе этернализма приводит Хрущев: «Ведь что такое общественные и государственные формы? Это точки на круге, по которому не раз уж бегал циркуль жизни. Я — точка позади. Вы [Ольга] — точка впереди» [9, с. 368], при этом добавив: «Смотря откуда и как считать».

Так как «человеческое» время в прозе Баршева относительно, закономерно возникает проблема его измерения. От традиционных часов с презрением отказывается Хрущев: «машинка паршивая, тоже мерит что-то. Океан наперстком» [9, с. 388]. Еще более категорично звучит риторический вопрос рассказчика в «Водорослях»: «Всякая жизнь слагается из коротких и длинных часов. Разве можно временем точно измерить жизнь?» [9, с. 382] (ср. с проблемой измеряемости времени у С. Аскольдова). Относительность времени в силу индивидуальности переживания человеком каждого момента жизни (для кого-то длинных, для кого-то коротких часов) заставляет баршевских героев искать альтернативу часовому механизму. Так, для жителей Больших Пузырьков подобным мерилом оказываются паровозные гудки (Коко упрекает Терентия Петровича во взгляде на жизнь через «дырку кондукторского свистка»). Аркадий Малевич («Водоросли») также живет по гудкам.

Мотив паровозных гудков (а также связанные с ним мотивы *поезда, станции, железной дороги*) сопровождают героев «Водорослей» в переломные моменты их жизни. На станции происходит прощание Валерия Андреевича с женой перед предстоящим отъездом за границу. Спустя полгода Малевич вынужден отпустить Ольгу в командировку в деревню. Мотив вечной разлуки, связанной с интересующим нас мотивным комплексом, воплощается и в судьбе жены Хрущева, которую сбил насмерть поезд. В последнем случае представлена наиболее радикальная вариация мотива разлуки, которая действительно оказывается вечной. Однако на этом фоне и отъезд Василия Андреевича, и командировка Ольги в деревню также предстают не единичными событиями, а проявлением общей закономерности.

С проблемой измерения времени связан мотив часов. С одной стороны, имея рукотворную сущность, они относятся к сфере ведения

человека. С другой, часы служат как бы связующим звеном между временем человеческим и временем абсолютным. В отличие от человека и всего созданного им, часы не боятся ни смерти, ни разрушений, а своим ходом напоминают баршевским героям о неумолимом течении времени. Так, Хрущев после смерти жены замечает: «А вот так, отдельно от всего, в сторонке, рука... с часиками в браслетке... Мне их отдали, а они — тик-тик, тик-тик — работают как ни в чем не бывало» [9, с. 388]. Воспоминание об этом заставляет Хрущева вздрогнуть от ужаса, услышав внезапный бой часов. В другом эпизоде «Водорослей» бой часов с кукушкой напоминает герою, что «скучное время пришло», и заставляет задуматься о грядущем конце света.

Мотив часов приобретает «орнитологическую» составляющую, поскольку птицы также связаны с отсчетом времени. «Птичьи» мотивы в различных вариациях — будь то петух, кукушка или жаворонок — сопряжены с танатологическим и темпоральным мотивными комплексами. Так, в «Жданном слове» жаворонок символизирует предопределенность человеческой судьбы, фатализм: «Радостно кому-то дергать ниточки, а кому — отсюда не видать <...> Дрожит, звенит жаворонок и вдруг оборвется и бултых камнем в рожь — подавай новую резинку!» [9, с. 396].

В «Больших Пузырьках» птичья тема задается прозвищем главного героя — «Коко» и мотивом петуха. Коко будоражит сонную жизнь обитателей станции, с ним же связаны слова рассказчика о рождении новых Пузырей. Как замечает Топоров, петух часто ассоциируется со временем (ср. русские загадки «Не часы, а время показывает» и т. д.) [7, с. 309], с пробуждением, а также с мотивом возрождения-умирания.

С мотивом времени связана проблема противостояния старого и нового. Столкновение двух поколений, разделенных революцией, — старого, «бывшего», и «нового» наиболее отчетливо выражено в «Четвертом» и «Водорослях». В «Четвертом» темпоральный мотив заложен в названии и отсылает к упомянутой выше концепции времени как четвертого измерения. Главного героя занимает проблема измерения времени: «сказал как-то знакомый: не думай, говорит, Кронид Семенович, что всякую вещь измерить можно <...> для ученых есть еще такое, зовется четвертое измерение <...> Если измеришь — большие деньги заработать можно» [9, с. 361–362]. В сознании главного героя четвертое измерение уподобляется дыму: «фельдшер мозгови-

тый объяснял <...> будто в дыме это [четвертое измерение] есть» [9, с. 362]. Кольца, в которые собирается дым, — это не только висельные петли, но и петли времени.

Мотив дыма имеет в русской литературе богатую традицию. С дымом может соотноситься прошлое, настоящее, будущее (вспомним у Пушкина — «Он духом там — в дыму столетий!»). В классической прозе Тургенева и Гончарова образ дыма ассоциируется с поверхностной жизнью [10, с. 146] и бесплодными мечтами [14, с. 147], заслоняющими реальность. В поэзии Серебряного века этот мотив связывается с миражностью, непостижимостью цели («Мы скользим, как тень от дыма / Мы от всех путей далеки» [14, с. 119]), мотивом обмана (А то, что длится ныне, мы имеем / Что мы зовет своим, / В безрадостной пустыне / Обманчиво как дым» [14, с. 157]), inferнальности, потусторонности («Сквозь туманный дым кадила / Вижу я нездешние черты. / О, неведомая Сила» [14, с. 168]).

В контексте постреволюционной действительности дым входит в ассоциативный круг с мотивами пороха, войны и революции. Так, Кронид Семенович замечает: «Если бы не революция, никогда бы четвертого не было» [9, с. 363]. Тем самым герой указывает на изменения, вызванные революцией: даже прежняя Дуня в новом, четвертом измерении становится Евдокией Васильевной.

Кронид Семенович принадлежит к «старому» поколению и не хочет жить «по-новому» в изменившемся мире. Поиски средства измерить «четвертое» — это попытка рефлексии главного героя, порожденная трагическим осознанием того, что за чередой лет он упустил главное — жену и сына.

Темпоральный комплекс в «Четвертом» сопряжен с танатологическими мотивами. Так, Кронид Семенович преследует ощущение приближающейся смерти («Ничего не поделаешь — года!»). На страницах книжки, в которую герой заносит знаменательные события, значится точное время рождения его сына (9 ч 35 мин), при этом сам факт рождения парадоксально совмещается с идеей смерти: «Сейчас показали мне того, кто увидит меня лежащего ноздрями кверху, ибо какой же сын, если он не прохвост, не приедет хоронить отца» [9, с. 363].

В «Водорослях» Баршев на примере перипетий в судьбах своих героев — эмиграция Валерия Андреевича с дочерью, переезд его жены Ольги к Малевичу, а затем расставание, судьба «бывшего» учителя

Хрущева, чуждого новому миру, — ставит вопрос о будущем России. Революция делит героев на два лагеря: одни из них, подобно персонажам «На дне», становятся «бывшими», или «ненужными», другие мыслят себя новыми людьми и хозяевами жизни. Так, Павел Хрущев, называющий себя «потерявшимся», не находит применения в новой жизни и умирает в больнице. При этом революция лишает Хрущева и семьи: на гражданской войне гибнет его сын.

С образом Хрущева связаны мотивы гибели культуры. Герой постоянно приводит латинские цитаты, например, называет себя *res nullius* — «никому не принадлежащая вещь» [9, с. 685], что вызывает ассоциации с Римом периода упадка. Упадочным интеллигентом «бывшего учителя» называет Ольга. Она принадлежит к новым людям (и Хрущев, и Малевич признают, что будущее за ней), добровольно отказавшимся от личного счастья во имя служения идее. В то же время о людях «новой породы» с иронией говорит сын генерала Петрова: «У вас создается (если уже не создалась) новая порода людей. Ближе они или дальше от обезьян — покажет будущее» [9, с. 384].

В сюжетной линии Ольги задается важная оппозиция «временное — вечное». Так, Малевича после ее отъезда мучит вопрос — навсегда ли его покидает Ольга. Личные переживания героев переносятся в общественную сферу (не случайно Малевич в шутку говорит Ольге, что любовь и революция связаны тем, что не могут быть перманентными, и обе несут в себе диктатуру). Ольга пытается опровергнуть его политграммой: «Всегда ли пролетарское государство будет основано на диктатуре? <...> По мере ослабления и окончания классовой борьбы, будет все более и более отпадать и диктатура пролетариата» [9, с. 386]. Возникает проблема соизмеримости целей революции и жертв, которых она требует от маленьких людей: «Социалисты обещали рай земной, а на самом деле...» [9, с. 358].

Таким образом, мотивный комплекс времени в прозе Баршева включает мотивы относительности и разрыва времени, невозможности его измерения, притягательности прошлого и враждебности будущего, этерналистские мотивы. Его герои остро ощущают изменение хода времени на фоне исторических катаклизмов. Если прошлое воспринимается как идиллическое, то будущее, напротив, чаще приобретает танатологический оттенок. Подход Баршева к феномену времени оказывается созвучным философским исканиям 1920-х годов: в частности это проявляется в понимании времени как четвертого

измерения и в этерналистском подходе к осмыслению иллюзорного настоящего. В мотивный комплекс времени включаются мотив часов и орнитологические мотивы. Последние сопряжены с мотивами фатализма, судьбы, смерти. Как важная составляющая художественной онтологии Баршева, мотивный комплекс времени соотносится с мотивами природных стихий, пустоты, тишины, которые могут стать предметом дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аскольдов С. А. Время и его преодоление / С. А. Аскольдов // Мысль: журнал Петербургского философского общества. — 1922. — № 3. — С. 13–32.
2. Бердяев Н. И. Смысл истории / Н. И. Бердяев. — М. : Мысль, 1990. — 174 с.
3. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. — М. : Наука, 1993. — С. 28–82.
4. Гаспаров И. Некоторые вопросы метафизики времени / И. Гаспаров // *Analytica*. — 2010. — № 4. — С. 38–49.
5. Зингерман Б. И. Театр Чехова и его мировое значение / Б. И. Зингерман. — М. : Наука, 1988. — 384 с.
6. Малова О. В. Проблема времени в русской философии первой половины XX века / О. В. Малова // Вестник Пермского университета. — 2016. — Вып. 4 (28). — С. 57–63.
7. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. — М. : Советская энциклопедия, 1992. — 719 с.
8. Михальский А. В. Психология времени / А. В. Михальский. — М. : Флинта, 2016. — 72 с.
9. Расколдованный круг : сборник повестей и рассказов. — Л. : Советский писатель, 1990. — 688 с.
10. Романова Г. И. Практика анализа литературного произведения (Русская классика) / Г. И. Романова. — М. : Флинта, 2012. — 256 с.
11. Славина О. Ю. Поэтика сновидений: на материале прозы 1920-х годов : дис. ... канд. филологических наук : 10.01.01 / Славина Ольга Юрьевна; Санкт-Петербургский гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 1998. — 160 с.
12. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. — М. : Астрель, 2006. — 1176 с.
13. Тюпа В. И. Тезисы к проекту словаря мотивов / В. И. Тюпа // Дискурс -2' 96. — Новосибирск : Наука, 1996. — С. 52–55.
14. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве. — СПб. : Академический проект, 1999. — 512 с.

15. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. — М. : Прогресс, 1993. — 321 с.
16. Шеховцова Т. А. «У него нет лишних подробностей...»: Мир Чехова. Контекст. Интертекст : монография / Т. А. Шеховцова. — Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015. — 196 с.

МОТИВНИЙ КОМПЛЕКС ЧАСУ В ПРОЗІ М. В. БАРИШЕВА

Володимир Виниченко, аспірант

*Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна
vinvladimir93@gmail.com*

Актуальність статті зумовлена необхідністю комплексного вивчення літературного процесу 1920–1930-х років та відсутністю дослідження специфіки функціонування мотивних комплексів часу в прозі М. В. Барішева. Виявлено мотиви відносності та розриву часу, неможливості його вимірювання, притягальності минулого та ворожого майбутнього, етерналістські мотиви. Творчість письменника введено у філософський контекст 20-х років ХХ століття (роботи М. Бердяєва, П. Флоренського, С. Аскольдова). Відстежено особливості функціонування мотивів, які корелюють із мотивом часу, їхню полісемантичність та зв'язок із літературною традицією. Показано, що мотивний комплекс часу є важливою складовою онтології письменника поряд зі стихійними мотивами, мотивами порожнечі, тиші тощо, які можуть бути предметом подальших досліджень.

Ключові слова: *мотив часу, мотивний комплекс, модернізм, етерналізм, Барішев.*

THE TEMPORAL MOTIVE COMPLEX IN N. BARSHEV'S PROSE

Vladimir Vinichenko, postgraduate

*V. N. Kharkiv National University
vinvladimir93@gmail.com*

Actuality of the article is determined by the necessity of complex studying literary process of the 1920–30s and lack of researching specificity of functioning of the temporal motive complex in Barshev's prose. The study is based on the approach to analysis of literary work which was proposed by B. Gasparov and V. Tjupa. Motif is considered as any detail which is reproduced in the same text and therefore play important role for comprehension of author's purpose. The separate motifs constitute the semantic fields which the researchers call 'motive complex'.

Several motifs can be singled out in Barshev's prose. They are 'relativity of time', 'impossibility of measuring time', 'hostile future and pursuit of past', 'conflict of old and new life', 'eternalistic motifs' and so on. The study places Barshev's works in the context of philosophical conceptions of the twentieth. In particular, they are the conception of time as the fourth dimension (proposed by P. Florensky) and Berdyaev's approach to time and history. Barshev's works are associated with eternalism according to which present, past

and future exist simultaneously. The temporal motifs prove to be polysemantic and refer to literary tradition or mythological notion (in particular a cock as symbol of the world birth-death). It gives a possibility to reckon the works as philosophical modernistic prose. The temporal motifs are the part of author's ontology, and other its components (motifs of nature powers, hollow and silence) requires the further research.

Key word: *temporal motif, motive complex, modernism, eternalism, Barshev.*

REFERENCES

1. Askoldov, S. A. (1922), «Time and its overcoming», Mysl: zhurnal peterburgskogo filosofskogo obshhestva, issue 3, pp. 13–32.
2. Berdyaev, N. A. (1990), Smysl istorii [The Meaning of history]. Moscow, Mysl [in Russian].
3. Gasparov, B. M. (1993) Literaturnye lejtmotivy. Ocherki po russkoj literature XX veka [Literary leitmotifs. The outlines of Russian literature of the XX century]. Moscow, Nauka [in Russian].
4. Gasparov, I. (2010), «Some aspects of temporal metaphysics», Analytica, issue 4, pp. 38–49.
5. Zingerman, B. I. (1988), Teatr Chehova i ego mirovoe znachenie [The Chekhov's theatre and its world value]. Moscow, Nauka [in Russian].
6. Malova, O. V. (2016), «The problem of time in Russian philosophy of the first half of the XX century», Vestnik Permskogo universiteta, issue 4 (28), pp. 57–63.
7. Mify narodov mira [The myths of peoples of the world : encyclopedia : Vols. 1–2], (1992). Moscow, Sovetskaja jenciklopedija [in Russian].
8. Mihalskij, A. V. (2016), Psihologija vremeni [Psychology of time]. Moscow, Flinta [in Russian].
9. Raskoldovannyj krug : Sbornik povestej i rasskazov (1990) [Unspelled circle: The collection of narratives and short stories]. Leningrad, Sovetskij pisatel [in Russian].
10. Romanova, G. I. (2012), Praktika analiza literaturnogo proizvedenija (Russkaja klassika) [Practice of analyse of a literary work (The Russian classics)]. Moscow, Flinta [in Russian].
11. Slavina, O. J. (1998), «The poetics of dreams: on material of the prose of the 1920s», Dissertation for Cand. sc. (Philology), 10.01.01, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
12. Sorokin, P. (2006), Socialnaja i kulturnaja dinamika [Social and cultural dynamics]. Moscow, Astrel [in Russian].
13. Tjupa, V. I. (1996), Tezisy k proektu slovarja motivov [The theses to the project of the vocabulary of motifs], Diskurs-2' 96. Novosibirsk, Nauka [in Russian].
14. Hanzen-Leve, A. (1999), Russkij simvolizm. Sistema pojeticheskikh motivov. Rannij simvolizm [Russian symbolism. The system of poetical motifs, Early symbolism]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt [in Russian].

15. Florensky, P. A. (1993), Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitelnyh proizvedenijah [The analyze of space and time in fiction and graphic works]. Moscow, Progress [in Russian].
16. Shehovcova, T. A. (2015), «U nego net lishnih podrobnostej...»: Mir Chehova. Kontekst. Intertekst : monografija [He hasn't any excessive detail: Chekhov's world. Context. Intertextuality : monograph]. Charkiv, Vasyl Karazin Kharkiv National University [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 14 червня 2017 р.